

Человек своего времени

ЧУВСТВУЕШЬ себя
крайне неловко,
когда берешься на-

Виктор РОЗОВ

писать даже очень коротко о человеке, с которым ты работаешь в одной области, но который в ней начал работать гораздо раньше тебя и был для тебя прокладывателем дорог и, бесспорно, учителем. Еще труднее это сделать, когда берешься писать о таком сложном, противоречивом, оригинальном человеке, как Николай Федорович Погодин. И, однако, я беру на себя эту смелость и пишу. С Погодиным я познакомился впервые в Костроме, когда смотрел в городском театре пьесы «Темп», «Поэма о топоре». Я был в то время еще почти подросток, но пьесы и спектакли эти до сих пор помню хорошо. Затем я, будучи учеником театральной школы московского театра Революции (ныне Театр имени Маяковского), видел спектакли «Мой друг», «После бала». Смотрел их по многу раз и некоторые места знаю наизусть. Пять или шесть раз бегал в Реалистический театр смотреть «Аристократы», так ярко прозвучавшие в те годы. Я смотрел все пьесы Погодина, может быть, за исключением одной-двух, которые почти не видели сцены.

Погодинские пьесы я всегда жду. Почему? Потому что Погодин неожидан. Неожиданностью для меня были в свое время и «Поэма о топоре», пьеса с таким нетеатральным названием, и «Мой друг», разрушавший уже тогда сложившиеся штампы образа передового партийца, и «Аристократы», и «Сонет Петрарки». Уже за одно то, что от Погодина можно ждать удивительного, неожиданного,—за одно это спасибо. Я люблю далеко не все пьесы Николая Федоровича, но в каждой пьесе я что-то люблю: образ, сцену или просто одну фразу. А это тоже не малое. Погодин, если смотреть его пьесы на свет,—удивительно человек своего времени! Его больше беспокоит жизнь, нежели искусство. Он всегда современен. Его позиция абсолют-

но точна: он писатель-коммунист. Так, во всяком случае, «доходит» он до меня. Когда я го-

ворю, что Николай Федорович для меня учитель, то понимаю это слово широко... Для меня учителя и Файко, и Корнейчук, и Арбузов, и Володин. Соприкосновение с талантом—всегда прекрасное учение. Мне нравится свободное, чисто погодинское обращение с материалом, вернее, свободная его композиция. Люблю язык его персонажей—насыщенный, сочный.

Ленинская трилогия его—лучшее, что есть о Ленине в театре. И лично мне дорог его Владимир Ильич Ленин именно тем, что он удивительно сегодняшний Ленин. Думаю, что когда Погодин писал первую, вторую или третью части трилогии, он сознательно останавливался на тех или иных сторонах деятельности Ленина, выбирал именно те или иные черты вождя, о которых особенно важно было сказать именно в данное время. В фигуре В. И. Ленина Погодин дает образец, идею сегодняшнего человека и при этом нисколько не идеализирует образ Владимира Ильича, дает его чрезвычайно мягко, живым. Еще не могу не сказать, что я просто поражен удивительной работоспособностью Погодина. Вот уж поистине пример для всех нас.

Я думаю, Николай Федорович не обидится на меня за то, что моя заметка носит не совсем юбилейный характер, так как в статьях подобного типа вроде бы не полагается делать даже малейших критических замечаний, а я написал о какой-то противоречивости, о том, что не все пьесы юбиляра мне нравятся. Если бы я писал о каком-нибудь другом человеке, я бы этого, может быть, и не сделал, а здесь считаю возможным, так как пишу о человеке большом, которого люблю, которому желаю здоровья и от которого с радостью жду новых пьес,

ЛЕНИНСКАЯ
15 НОЯБРЯ 1960